

Хроника московской художественной жизни

Русская прогрессивная художественная критика второй половины XIX -- начала XX века.
М., "Художественная литература", 1977

[OCR Бычков М. Н.](#)

[...] Но довольно об этом. Возвратимся к выставкам. И здесь из года в год повсюду распри из-за жюри. Какое жюри ни выберут, все оказываются недовольные, так что в конце концов даже создалась тенденция обходиться без всякого жюри и предоставить художникам выставлять все что угодно. Так поступил новый "Союз художников" и так же устроилась выставка отщепенцев в Метрополе. Результат получился благоприятный. [...]

Яркое впечатление осталось только от "Союза", от огромных этюдов Малявина, нескольких вещей Врубеля, от работ Рериха, Сомова, Бенуа, С. Иванова и т. п. Эти вещи не только не потускнели в воспоминании от времени, а, напротив, стали как-то еще ярче от потускневшего фона остальных бывших на выставке вещей. Малявин производит на всех сильное впечатление, и если одни видят в его работах только одну внешнюю мощь, только одну красоту и силу краски и отрицают за ним внутреннее художественное содержание, то другие, наоборот, видят в его огненных красках и уродливых образах баб глубокий художественный смысл и шаг к совершенно новому пониманию человека, как объекта художественного творчества. Раньше я склонен был к первому мнению, но если подумать серьезно и приглядеться внимательно к работам художника, то, пожалуй, придется согласиться со вторыми. В самом деле, вспомните хотя бы этих громадных (больше натуральной величины) "баб" и "девок" последней выставки. Разве не веет на вас от этих образов какой-то особой, смутной, но вместе с тем и огромной, титанической силой? Сила эта темна, стихийна и животна, но не таковы ли и доляшны быть "бабы", рожавшие сподвижников Ермака, чудо-богатырей Суворова и понизовую вольницу? В лицах этих "баб" трудно прочесть что-либо, кроме тупой животной силы, но, может быть, именно потому и веет от них чем-то таким, что есть и в огромных каменных бабах, разбросанных по нашим степям. И в то же время от этих неуклюжих огромных образов веет чем-то жутким и страшным. В этих кроваво-огненных красках чудится отблеск каких-то необъятных пожаров, какой-то оргии кровавых побоищ, и все это тонет в беспросветном мраке окружающей темноты.

Когда я вспоминаю теперь эти малявинские этюды, окружающая фигуры тьма кажется мне наполненной не просто мраком, но мраком суеверий, волшебства, кликушества и всякой чертовщины. В этом мраке мне рисуются призраки каких-то оборотней, ведьм, домовых и упырей, и я верю, что эти "бабы" еще вчера опахивали деревню от холеры, забивали осиновые колья в спину умершего ведуна, верили в приворотное зелье и пускали по ветру губительную порчу. Я верю, что еще вчера они лили растопленное олово в горло пленным французам и жгли их живьем в сараях и амбарах. Я не знаю, сознательно ли дает все это художник, но во всех этих повторяющихся без конца "бабах" я чувствую не одно повторение, а несомненный прогресс. От знаменитых красных смеющихся "баб" веяло простором русских полей и шириной русского размаха. Смотря на эти хохочущие фигуры, казалось, что слышишь повисшую в воздухе звонкую крепкую брань, которая даже и не имеет смысла, а просто тянет к себе русского человека своей звучностью и грубой силой. В трех пляшущих бабах было нечто иное. Там был иной простор грубого веселья, но от картины веяло сивухой, дегтем и тем воздухом русской деревни, в котором, как говорится, и топор повиснет. Теперь от этих огромных этюдов веет уже чем-то более глубоким, чем-то стихийным, страшным и подавляюще мрачным, и мне чудится, что г. Малявин сознательно или нет, но ищет чего-то еще более грандиозного, чего-то охватывающего и веселый простор первых "баб" и мрак, окутывающий этих последних. Недаром побывал Малявин и монахом на Афоне и вообще обладает жадно-ищущей душой! Оправдаются ли эти ожидания, увидим.

Врубель предстал на выставке "Союза" в целом ряде новых отрывков, и еще раз стало мучительно жаль, что этот талант сходит со сцены, так и не найдя формы для выражения во всей полноте того, что кипело в его мятущейся душе. Странно, что до сих пор никто из поклонников художника не устроит полной выставки всего им написанного. Именно всего, начиная с юношеских работ и классных этюдов и вплоть до альбомных набросков и картин последнего времени. Только на такой выставке поняли бы многие, какое богатство художественной жизни в этом человеке и какая яркая в нем индивидуальность. Только на этой выставке поняли бы многие, почему этот сильный рисовальщик